

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ФИЛОСОФСКАЯ
МЫСЛЬ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Философское измерение

ПРОБЛЕМА ТРАДИЦИИ В РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ

Н.А. КУЦЕНКО

Вопрос об изучении феномена традиции в истории отечественной мысли предусматривает рассмотрение истоков и характерных черт отечественной философской и богословской мысли, равно как и персоналий, реформ в сфере философского образования, исследование многообразных философских жанров, которые могли бы говорить о существовании традиции при историко-философском исследовании материала. Подобное изучение является комплексным, оно должно включать в себя исследовательскую работу по различным направлениям и учитывать многие аспекты.

Для начала определим основополагающие методологические принципы изучения отечественной философии, а также подчеркнем берегающую функцию «школьной» философии. Далее рассмотрим философскую и богословскую мысль в их единстве и преемственности на Руси после принятия христианства, чтобы понять, кого можно считать философом в России и что при этом понималось под философией, к чему будут обращаться образованные русские люди в 30-х годах XIX столетия в поисках национальной идентичности и что они будут изучать в философском наследии прошлого.

При изучении отечественной философии важно придерживаться нескольких основополагающих методологических принципов. **Первый** из них состоит в том, что требуется максимальное расширение источниковедческой, эмпирической, документальной базы, без которой все теоретические умозаключения будут носить чрезмерно абстрактный, неаргументированный характер. **Второй** принцип заключается в том, что для эффективного использования выявленных источников требуется их глубокий, всесторонний, фундаментальный анализ, на основе которого выстраивается аутентичная модель рассматриваемого феномена. И, наконец, **третьим** принципом является вписывание отдельных феноменов, персоналий, концепций в общую панораму развития русской мысли без преувеличения или недооценки отдельных ее составляющих.

Следует отметить, что специализированная профессиональная русская философия еще слабо изучена. Данный факт свидетельствует о неполном знании действительной, целостной, единой русской философии¹. В отношении духовно-академической философии в России нами значительно расширяется круг рассматриваемых источников, что позволяет делать более обоснованные выводы по поводу характерного для нее круга философских идей².

Присущий историографии XIX в. европоцентризм в современных исследованиях, на наш взгляд, еще не вполне преодолен. Если говорить о Западе, то там доминировала аристотелевски-томистская традиция рационального дискурса, на православном же Востоке – христианизированный платонизм с образно-символической интерпретацией бытия³. Без учета этих двух основных, противоположных и одновременно взаимодополняющих, традиций невозможно представить общеевропейскую картину развития философской и богословской мысли, в которой отечественная составляющая занимала свое определенное место. Имеются и иные, уже структурированные точки зрения на поднятый вопрос. Для примера приведем монографию «Русская и европейская философия: пути схождения». В ее содержании выделим второй раздел, написанный А.А. Ермичевым, под названием «Историко-философский процесс в России как реальное основание сближения парадигм русской и европейской философии»⁴.

В свое время архимандрит Гавриил (Воскресенский) и М.В. Безобразова попытались преодолеть одностороннюю европоцентристскую интерпретацию развития русской мысли, но целеустремленное движение в данном направлении началось лишь во второй половине XX в.⁵ Объективный же анализ духовно-академического направления философского развития стал формироваться лишь в последние десятилетия на рубеже веков нынешнего и минувшего. Актуальной остается задача не только изучения собственно профессиональной, «школьной» философии – университетской и духовно-академической, но и вписывания ее в общую картину развития русской мысли⁶. Справедливости ради стоит заметить, что непрерывающаяся с середины XVII в. почтенная традиция ее существования выполняла стабилизирующую, сберегающую, субординирующую функцию бытия профессиональной философии в общем культурном контексте. Опорой этой философии были патристика, христианизированный платонизм, православное истолкование Священного Писания и Священного Предания, близкого западному латинскому и в то же время имеющего ряд собственных идей, например, оригинальную идею о соборности сознания и соборности действия, что впоследствии проявилось в славянофильстве.

Существовавшее параллельно со светской профессиональной философией, духовно-академическое направление было менее уязвимо и менее подвержено политической конъюнктуре, поскольку ориентировалось на вечные духовные ценности, имело консервативный в положительном смысле характер, оберегало сакральное содержание культуры и нравственные основы личности. Имел свое значение и тот факт, что Церковь не была отделена от государства.

Когда преподавательский состав Московского университета перестал подпитываться выпускниками академии, когда сам университет переехал в новое здание на Моховой, когда академия в 1814 г. переселилась в Сергиев Посад, связи между двумя ведущими образовательными учреждениями России были практически утрачены, и только во второй половине XIX – начале XX в., в эпоху духовно-религиозного ренессанса, проявилась тенденция к взаимному сближению. В советское время эта тенденция была прервана, в постсоветское постепенно возрождается. Речь идет, в том числе, и о законодательной унификации специальностей в светской и духовной образовательных системах на фоне очередных, повсеместно происходящих реформ всей системы образования, по-прежнему нацеленных на западные образцы. Результаты таких реформ на сегодняшний день не представляются вполне ясными и очевидными.

Следует отметить интеллектуальную деятельность представителей русской эмиграции, которые не разрывали органической связи отечественной философии и отечественного богословия. Некоторые, как о. Сергей Булгаков, о. Георгий Флоровский, о. Василий Зеньковский, Н.О. Лосский, олицетворяли эту связь и единство в полной мере. В нынешних условиях, когда постепенно преодолевается искусственное разделение светской и церковной науки, задача успешного изучения духовно-академической и университетской, т.е. профессиональной, или институциональной, философии в России может быть принципиально и эффективно разрешена. Можно сказать, что наличие профессиональной философской школы в России способствовало сохранению собственно философской отечественной традиции в различных исторических условиях.

А теперь обратимся к проблеме преемственности в истории русской философии. При изучении отечественной философии Нового времени возникает ряд вопросов. Насколько она привязана к западноевропейской мысли, как современной ей, так и предшествовавшей? Существует ли преемственность в развитии русской мысли допетровского и послепетровского времени? Чем объясняется взлет русской философии в эпоху Серебряного века?

Какое место занимает отечественная философия в контексте европейской и мировой?

Прежде чем рассуждать о русской философии Нового времени, нужно обратиться к периоду ее становления, когда сформировались ее важнейшие характеристики, сложились ее типология и статус в общественном сознании и культуре. Рассмотрим вкратце эпоху становления философского и богословского знания после христианизации Руси. После крещения на Русь попадают произведения византийской духовной культуры в виде творений патристики, исторических хроник, агиографических сочинений, произведений эпистолярного и учительного жанра, подражая которым древнерусские авторы создают свои собственные произведения, применяя теоретические достижения византийской мысли к истолкованию реалий своего времени. Таким образом, первыми нашими наставниками в философской области были христианизированные греки, имевшие давние философские традиции. Наибольшие корни пустила платоническая и неоплатоническая традиция, которая стала отныне доминирующей во все последующие времена, что отмечал, в частности, о. Павел Флоренский⁷.

Другим важнейшим обстоятельством, повлиявшим на типологию отечественной культуры, было распространение на Руси кирилло-мефодиевского наследия. Это был византийский гуманитарный синтез филологии, философии и богословия, перенесенный на славянскую почву. Не раздельное существование, но триединство указанных сфер духовного творчества легло в основу деятельности Константина-Кирилла Философа, ставшего образцом мыслителя и творца для всего региона *Slavia orthodoxa*, в том числе Руси и будущей России.

В западной латинской традиции, начиная с первых европейских университетов, формируются профессиональное корпоративное богословие и философское знание, языком которых была книжная латынь, общая для всей ученой Европы. Перипатетическая традиция, соединившись с римской правовой, дала схоластику, рационализм, позитивизм — все то разнообразие, всю ту разработанность аналитического дискурса, которые отличают западную мысль, составляют ее силу и вместе с тем некоторую ограниченность.

В восточнославянской же традиции языком мышления стала не книжная латынь и не греческий язык, а церковнославянский. С одной стороны, это имело положительное значение открытости богословия и философии широкой образованной аудитории. С другой, отсекало все богатство литературы на греческом и латинском языках. Образцом мыслителя в рамках этой традиции стал не узкий профессионал, а просветитель, проповедник, исповедник идеи, богослов, философ, литератор в одном лице, ка-

сающийся самых животрепещущих вопросов личного и общественного бытия. Было бы неверно сказать, что эта восточная традиция хуже или лучше западной, они дополняют друг друга, как дополняют друг друга платонизм и аристотелизм.

При господстве платонической традиции в древнерусской среде существовала, правда, в менее развитой форме, и перипатетическая. Главным переводным философским трудом почитался «Источник знания» Иоанна Дамаскина, созданный именно в перипатетической манере. С XVII века, со времен Киево-Могилянской и Славяно-греко-латинской академии начинается усвоение западного философского опыта. Его широкое использование происходит в XVIII столетии, веке проевропейского ученичества. Казалось, к началу XIX века образованные русские люди стали полностью европейцами, забывшими свои истоки. Однако реформы в сфере светского и духовного образования, как и патриотический подъем после Отечественной войны 1812 г. пробудили национальное самосознание. Появился большой интерес к своему прошлому, в том числе духовному. Славянофильство, которое уместнее назвать русофильством, реализовало этот интерес в богословской и философской сферах в середине – второй половине XIX в. на основе развитого словесного мастерства, что можно видеть на примере творчества Алексея Хомякова. Не впадая в крайности славянофильства и западничества, опираясь на европейскую и отечественную традиции, вырос гений Пушкина в литературе и гений Владимира Соловьева в философии.

В западной традиции имелись не только сложившиеся корпорации, но и школы как научно-теоретические направления. Нельзя говорить, что в России XIX века не было профессиональной философии. На уровне первичной выучки, кропотливого изучения огромного массива первоисточников, преподавания основных философских дисциплин, она существовала и опиралась на собственную традицию в виде академий, семинарий, первых университетов, а также на развитую западную, чей богатый опыт нельзя было не учитывать. Когда происходило сбалансированное соединение школьной, школярской, схоластической и внешкольной, независимой, творческой тенденций, тогда наступали наиболее благоприятные условия для развития философии и всей культуры, как было в России конца XIX – начала XX вв.

Вопрос о преемственности в развитии отечественной мысли более фундаментален, чем вопрос о наличии формальных школ, профессиональных институций и иных внешних образований. Гораздо важнее внутренняя, смысловая, проблемная, типологическая преемственность, которая прослеживается во все времена бытия отечественной мысли. Доминирование этической, антро-

пологической, историософской, эстетической тематики, тяготение к художественно-пластическим, символическим средствам выражения, стремление к универсальному, синтетическому, целостному, а не раздробленному, дифференцированному, аналитическому отношению к бытию, приоритет аксиологической, ценностной, антропоцентричной установки в противовес объективистскому, индифферентному мироотношению — таковы, коротко говоря, константы русской мысли, прошедшие сквозь все времена ее существования. К ним можно относиться по-разному, но не учитывать их нельзя.

Одним из важнейших вопросов для существования и развития философии является вопрос о языке, на котором происходит процесс мышления, коммуникации и закрепления знания. В отечественной традиции таким языком, как уже отмечалось, был изначально церковнославянский, сохраняющий свое значение в православном богослужении до сего дня и бывший до XVII в. языком богословской и философской мысли. После крещения Руси стал создаваться фонд философской и богословской литературы, в котором сначала доминировали переводные тексты: творения отцов церкви: Иоанна Златоуста, Василия Великого, Иоанна Дамаскина, исторические хроники Георгия Амартола и Иоанна Малалы, агиографические и эпистолярные сочинения, сборники афоризмов вроде «Пчелы». Позднее к ним добавились «Диоптра» Филиппа Пустынника⁸, наиболее фундаментальный антропологический трактат византийского происхождения, и корпус сочинений Псевдо-Дионисия Ареопагита.

Первым оригинальным древнерусским сочинением, имеющим глубокое богословско-философское содержание, явилось «Слово о Законе и Благодати», созданное митрополитом Иларионом Киевским в середине XI в. В нем гармонично сочетаются христианский универсализм и подлинный патриотизм. Следует подчеркнуть, что древнерусская философская и богословская лексика формировалась под влиянием греческой и в духе кирилло-мефодиевского наследия. Постепенно возникают энциклопедические словари-толковники, где переводились термины из более чем 20 языков, преимущественно греческого, латинского, древнееврейского. Эти словари получили названия Азбуковников.

Уже в домонгольский период формируется собственная национальная философская и богословская школа православной экзегезы, к которой, кроме упомянутого выше Илариона Киевского, можно причислить Климента Смолятича, Кирилла Туровского, митрополита Никифора, Владимира Мономаха и некоторых других мыслителей. В большинстве своем это были ученые монахи, не являвшиеся профессионалами в философии в узком

смысле этого слова, что подразумевало корпоративную принадлежность к группе обособившихся интеллектуалов, но бывшие подлинными профессионалами по уровню мышления, осмысления философской проблематики и влияния на древнерусское общество.

В эпоху Московской Руси среди наиболее ярких имен можно выделить Нила Сорского, Иосифа Волоцкого, Артемия Троицкого, Зиновия Отенского. Выдающимся мыслителем XVI в. был Максим Грек, филолог, философ, богослов, переводчик в одном лице, принесший высокую византийскую ученость и возрожденческую лингвистическую подготовку на русскую почву. Он четко разделял православную философию и латинскую традицию, базировавшуюся на аристотелевской силлогистике, подчеркивая сущностную глубину первой и ограниченный практицизм второй. Перед нами принципиальная критика перипатетизма и схоластического метода в философии и богословии. Вокруг Максима Грека сформировался кружок последователей и совопросников, среди которых были Вассиан Патрикеев, Федор Карпов, Андрей Курбский⁹.

Среди русских мыслителей (а Максима Грека можно к ним причислить уже потому, что он писал в России на современном ему русском языке) это было не частым явлением. Обычно они представляли собой талантливых одиночек, которые, как подчеркивалось в источниках, в Афинах не учились и премудростей философских не изучали. За этой риторической фразой, сформулированной с намеренным самоуничижением, важно разглядеть по-настоящему интересные творческие личности, которые компенсировали отсутствие профессиональной «афинской» подготовки собственным углубленным самообразованием. Таковой и была наша русская, российская философская традиция, рассматриваемая здесь как часть европейской.

В XVII веке начинается постепенное внедрение латинской системы преподавания философии и богословия через украинское, белорусское, польское посредничество. Соответствующие курсы риторики, логики, философии, метафизики, этики, читавшиеся в Киево-Могилянской и Славяно-греко-латинской академиях, строились в манере поздней схоластики и по методике европейских университетов, из которых самым влиятельным был Краковский Ягеллонский университет. Наиболее яркой личностью компромиссного плана был уже упоминавшийся Симеон Полоцкий, хорошо знавший западную латинскую и одновременно восточную православную традицию. Вождь партии латинствующих много сделал для трансформации отечественного богословия и философии в западном направлении. Создал «Рифмотвор-

ную Псалтырь», он заложил основы отечественной силлабической поэзии с философским содержанием.

Его противники из грекофильской партии постепенно сдавали позиции. Схожая коллизия возникнет между патриархом Никоном и старообрядцами. Старая допетровская традиция как бы уходила вглубь национальной культуры, она проявит себя уже в XIX в. в деятельности славянофилов, почвенников и их последователей, которые получали высшее образование уже в российских университетах и академиях, а не только в зарубежных. Став ученой публикой, они имели возможность как историки, филологи, философы, богословы оценивать отечественное культурное наследие¹⁰.

В первой половине XVIII в. в России наблюдаются серьезные изменения в области образования, культуры, общественного сознания в целом. Коснулись они и развития философского и богословского знания. Появляется светская философия, аналогичная существующей в Европе, и в рамках ее философия, связанная с научным знанием. Происходит не только дифференциация знания, но и дифференциация языка. Так, выходит произведение Г.Н. Теплова «Знания, касающиеся вообще до философии, для пользы тех, которые о сей материи чужестранных книг читать не могут» (СПб., 1760). В России вслед за Западной Европой начинает утверждаться теория двух истин. Согласно этой теории, науки, в числе которых оказывается философия, рассуждают о вещах конечных и материальных на своем профессиональном языке. Вера же базируется на откровении, Священном Писании и Священном Предании. Служители церкви используют при этом традиционную терминологию на церковнославянском языке, являющемся хранителем православной традиции. Что касается богословия как теоретической части религиозного сознания, то оно, начиная уже со второй половины XVII в., испытывает воздействие латинской учености, поэтому в рассматриваемый период наблюдается сложное соединение традиционной богословской и нововведенной лексики.

В образовательной отечественной культуре XVIII в. главенствует сильный рациональный ментальный элемент – богословский. Он олицетворяет собой присутствие европейской традиции – традиции сосуществования теологии в рамках университетов наряду с другими систематическими науками, традиции трактовки Абсолюта как основы формирования систематических философских систем. Этот факт нашел свое отражение в богословских и философских курсах в Киево-Могилянском коллегиуме и Славяно-греко-латинской академии. В этом же веке в России сложилось сильное, структурированное под западный образец, университетское образование. Сегодня мы можем наблюдать как противоречия, так

и связи двух образовательных систем, которые существуют уже на протяжении последних 300 лет.

Поначалу заметно деформировавшись под латинским влиянием, в дальнейшем, благодаря активной позиции Михаила Ломоносова в светском образовании и митрополита Платона Левшина в церковном, российское образование стало постепенно переходить на русский язык в преподавательском процессе (что не исключало хорошего знания латинского, греческого, а в духовных заведениях дополнительно и древнееврейского языков). Заимствованные из переводной литературы, в том числе учебной, концепции и интерпретации заменялись более адекватными, почерпнутыми из отечественной традиции, что, в конечном счете, привело к созданию уважаемой во всем мире высшей российской школы, как светской, так и духовной, где сочетались европейский опыт и собственные ценности.

Основание университета в первопрестольном граде было несомненным достижением для всей России. Однако отметим и некоторые возникшие проблемы. Общеизвестно, что при учреждении Московского университета в нем были образованы три факультета: философский, юридический и медицинский, первый как общеобразовательный для всех, за которым шла специализация по иным. Но в нем *не было* создано, вопреки старой европейской традиции, *богословского факультета*. В данном случае следует говорить о серьезном упущении, создавшем перекос не только в столичном университете, но и во всей системе высшего образования России. Был нарушен фундаментальный европейский принцип всестороннего университетского образования при сочетании светского и духовного его компонентов, который не прижился в России по социально-политическим причинам.

В дальнейшем высшее светское и духовное образование было разъединено. Можно лишь благодарить профессоров философии духовных академий, заменивших светских преподавателей философских дисциплин в университетах в 50-х годах XIX в. Они не только «закрыли» образовавшуюся брешь в светском учебном процессе и сохранили академическое отношение к преподаванию оставшихся философских дисциплин, но и создали его настоящую классическую традицию, так как впервые были утверждены на министерском уровне унифицированные программы преподавания логики, психологии и истории философии на русском языке, соответствующие европейским стандартам¹¹. О данном факте почему-то забывают рьяные сторонники критики философско-богословской мысли в России. Скорее, они по незнанию не вполне объективно оценивают сложившуюся ситуацию развития отечественного историко-философского процесса, поскольку игнори-

ругут то обстоятельство, что *более двух третей* преподавателей философских дисциплин в системе светского высшего образования Российской империи получили профессиональное духовное образование. Ученая среда в Российской империи первой половины XIX в. объединяла лучших представителей как из светской, так и из духовной среды.

Таким образом, на протяжении XVIII в. осуществилось окончательное разделение между светской и духовной системами образования в России. Несмотря на это, они продолжали осуществлять единую образовательную функцию. Выученные по европейскому образцу выходцы из духовного сословия имели больше возможностей проявить себя в дальнейшем, поскольку в государственной системе существовала средняя, представленная многочисленными духовными училищами и семинариями, хорошо функционирующая система духовного образования.

Формирование русского языка науки происходило на протяжении всего XVIII в. Целесообразно и необходимо выделять в изучении данного процесса *первую* и *вторую* его половины. В современной литературе по данному вопросу исследуются в основном тексты богословских лекций на греческом и латыни, однако в нашем случае необходимо изучать именно русскоязычную рукописную и печатную литературу. Изначальное существование со времени распространения Кирилло-Мефодиевской миссии славяноязычных и русскоязычных богословско-философских переводных памятников в начале XVIII в. при постепенном переходе всей европейской науки на традиционные языки сыграло важнейшую роль.

Отдельно необходимо отметить деятельность митрополита Платона (Левшина), М.В. Ломоносова, Н.Н. Поповского, Я.П. Козельского и других преподавателей-просветителей как переводчиков философских и богословских европейских текстов на родной язык в середине – второй половине XVIII в. Именно при постепенном переходе преподавания на русский язык при одновременном преподавании на латыни (в университетах и академиях), на немецком и французском языках приглашенными профессорами произошло формирование русской гуманитарной лексики, основанной на предыдущей отечественной богословско-философской языковой традиции. В этом процессе выходцы из духовной среды, как самой образованной в империи, были на должной высоте. Указанные обстоятельства заставляют нас отнестись с глубоким интересом и повышенным вниманием ко всей многовековой отечественной философско-богословской традиции, без знания которой невозможно делать серьезные обобщающие выводы по поводу специфики и характера русской мысли.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ См.: *Маслин М.А.* Единство и оригинальность русской философии // Вестник Литературного института им. А.М. Горького. 2007. № 1. – С. 163.
- ² См.: *Куценко Н.А.* Духовно-академическая философия в России первой половины XIX века: киевская и петербургская школы (Новые материалы). – М.: ИФ РАН, 2005.
- ³ Хочется в этом плане отметить монографию А.Г. Тихолаза «Платон и платонизм в русской религиозной философии второй половины XIX – начала XX веков». Киев: ВиРА «Инсайт», 2003.
- ⁴ Русская и европейская философия: пути схождения. Ч. I. – СПб.: НИЦ «Кафедра», 1997.
- ⁵ См., например: *Ванчугов В.В.* Очерк истории философии самобытно-русской. – М.: Пилигрим, 1994.
- ⁶ См.: Взаимодействие духовного и светского образования. История и современность. – Нижний Новгород: Нижегородский гуманитарный центр, 2004; *Мотрошилова Н.В.* Мыслители России и философия Запада. – М.: Республика; Культурная революция, 2006.
- ⁷ См.: *Саврей В.А.* Александрийская школа в истории философско-богословской мысли. – М.: КомКнига, 2005.
- ⁸ См. новейшее издание данного памятника в научной серии «Памятники религиозно-философской мысли Древней Руси»: Диоптра Филиппа Монотропа: антропологическая энциклопедия православного Средневековья / Г.М. Прохоров, Х. Миклас, А.Б. Бильдог. – М.: Наука, 2008.
- ⁹ См.: *Громов М.Н.* Максим Грек. – М.: Мысль, 1983.
- ¹⁰ Выделим совместное исследование современных российских и немецких философов и историков философии «Россия и Германия: Опыт философского диалога» (М.: Медиум, 1993), в котором подчеркнута, с одной стороны, глубина, а с другой – неоднозначность такой оценки (см. статьи: «Германский комплекс славянофилов» А.М. Пескова и «Гегель и государственная школа русской историографии» А.Н. Медушевского).
- ¹¹ Более подробно см. об этом: *Куценко Н.А.* Духовно-академическая философия в России первой половины XIX века: киевская и петербургская школы (Новые материалы). – С. 33 – 55.

Аннотация

Ключевые слова: *традиция, философия, богословие, лексика, история философии.*

В статье рассматривается вопрос о традиции в истории русской философской мысли. Поднимаются и рассматриваются многие существенные вопросы, касающиеся целостности развития профессиональной философии в России.

Summary

Keywords: *tradition, philosophy, theology, vocabulary, the history of philosophy.*

The article is devoted to the question of tradition in the history of Russian philosophical mind. It examined numerous principal questions about the complete development of professional philosophy in Russia.